ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1306
53

157
359.
Экз. 2-й.

МУЗЕЙ

Значеніе Печерскаго монастыря въ начальной исторіи русской церкви и общества.

Начинающаго изучать нашу начальную лѣтопись со стороны ея церковно-историческаго матеріала поражаетъ то обстоятельство, что, небогатая вообще этого рода данными, наша лѣтопись очень много занимается Печерскимъ монастыремъ. На ея страницахъ находятся извѣстія объ основаніи монастыря, разсказы о чудесахъ нѣкоторыхъ подвижниковъ и немало частныхъ данныхъ для его исторіи [1]). Съ такимъ вниманіемъ, какъ на Печерскомъ монастырѣ начальная лѣтопись останавливается только на одномъ событіи начальной исторіи церкви,—на крещеніи Руси. Но этими лѣтописными данными далеко не исчерпывается матеріалъ для исторіи Печерскаго монастыря. Его дополняютъ—Несторово житіе преп. Ѳеодосія и два посланія Печерскихъ постриженниковъ нач. XIII в. еп. Симона и Поликарпа о чудесахъ Печерскихъ подвижниковъ [2]). Вся сумма этихъ матеріаловъ составляетъ интереснѣйшій памятникъ нашей древней духовной письменности, извѣстный подъ именемъ Печерскаго Патерика [3]). И это сравнительное обиліе историческихъ данныхъ о Печерскомъ монастырѣ не случай-

---

[1]) Извѣстія начальной лѣтописи о Печерскомъ монастырѣ собраны и разобраны у *Бестужева—Рюмина*, „О составѣ рус. лѣтописей до конца XIV в.“ Спб. 1868 стр. 9—18.

[2]) Если прибавить къ этому поученія прп. Ѳеодосія (Уч. Зап. Ак. Н., кн. 11, вып. 11 Спб. 1856) и Посланіе къ Василію, архимандриту Печерскому (Приб. къ Тв. св. Отц. X) то получимъ всѣ источники для исторіи Печ. монастыря за кіевскій періодъ.

[3]) Мы будемъ его цитовать по изд. Вл. Яковлева „Памятники рус. литературы XII и XIII в.“ Спб. 187[illegible].

1г

Проверено 1935 г.

ность и не слѣдствіе пристрастія авторовъ. Если составитель лѣтописнаго свода, человѣкъ нач. XII в., подводя итоги церковно-исторической жизни за ея краткій періодъ, нашелъ нужнымъ судьбу Печерскаго монастыря поставить послѣ крещенія Руси, то это значитъ, что Печерскій монастырь дѣйствительно былъ самымъ выдающимся явленіемъ указаннаго времени. Если кстати припомнимъ, что о другихъ монастыряхъ всего кіевскаго періода имѣются не патерики, а только лѣтописныя обмолвки или же краткія и нерѣдко поздніе житія основателей главнѣйшихъ изъ нихъ, то намъ станетъ еще яснѣе, что обиліе историческаго матеріала о Печерскомъ монастырѣ основывалось на его особенномъ, безпримѣрномъ значеніи.

Наши памятники точно очерчиваютъ географическія границы вліянія Печерскаго монастыря. И оказывается, это вліяніе охватывало ни много ни мало всю Русь, значеніе монастыря было общерусскимъ. Преп. Ѳеодосія, организатора Печерскаго монастыря, они называютъ игуменомъ, архимандритомъ всея Руси [1]), Печерскій храмъ Богородицы — архимандритіей „всея Русскія земля“ [2]). Спрашивается, чѣмъ же обусловливалась эта обширность вліянія Печерскаго монастыря и въ какихъ сферахъ исторической жизни это вліяніе проявилось.

Въ то время и въ томъ мѣстѣ, когда и гдѣ зачинался Печерскій монастырь, пульсъ исторической жизни билъ чрезвычайно быстро. Узловой пунктъ русскаго торговаго движенія, создавшаго собственно русскую исторію, Кіевъ къ пол. XI в. выросъ быстро какъ сказочный богатырь. Городокъ пол. IX в., по отзывамъ иностранцевъ, правда значительно преувеличеннымъ, къ концу того же IX в. онъ былъ не менѣе великихъ Болгаръ, а въ XI в. соперничалъ съ Царьградомъ [3]). Такой быстрый ростъ русской столицы явился слѣдствіемъ усиленнаго притока населенія, которое сходилось на великое торжище приднѣпровыя не только съ

---

[1]) Яковлевъ, 64. Житіе Авраамія Смол., Прав. Соб. 1858, ч. 3 стр. 142, 383.

[2]) Яковлевъ, 110.

[3]) Лѣтоп. по Лавр. сп. Спб. 1872, стр. 20.—*Гаркови*, Древнѣйшее арабское извѣстіе о Кіевѣ. Труды III археол. съѣзда, стр. 347. *Макушевъ*, Сказаніе иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ, 113 стр. 29 и 30 прим.

Руси, но и со всѣхъ концовъ русской равнины. И отсюда, изъ этого просвѣщеннаго центра, народонаселеніе русской равнины разносило культурныя привычки и заимствованія. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что указанное время (съ пол. IX до пол. XI в.) обнимаемъ лучшую пору въ исторіи Кіева. За это время онъ успѣлъ совершить для русской исторіи все, что ему было на роду написано, и главное, сдѣлать Русь христіанской. Кіевскій князь по совѣту съ дружиной и старцами градскими принимаетъ христіанство и объявляетъ его господствующей религіей Руси. И волѣ великаго князя и стольнаго города подчиняется вся собственная Русь (приднѣпровье): христіанство распространяется здѣсь быстро и безъ борьбы. Послѣ того Кіевъ пошелъ впереди другихъ городовъ въ усвоеніи христіанства: онъ былъ церковнымъ центромъ не оффиціально только, но и на дѣлѣ. Въ одинъ пожаръ 1018 года въ Кіевѣ выгорѣло нѣсколько сотъ церквей. А въ слѣдующую четверть XI в. въ извѣстномъ словѣ м. Иларіона онъ описывается такими словами: „виждь же (обращеніе къ св. Владимиру) и градъ величествомъ сіяющь, виждь церкви цвѣтущи, виждь христіанство растуще, виждь градъ иконами Святыхъ освящаемъ блистающеся и теміаномъ обухаемъ и хвалами и божественными пѣніи святыми оглашаемъ“ [1]). Въ пол. XI в., когда еще преп. Ѳеодосій былъ въ своемъ Курскѣ, по Руси ужъ шла молва о кіевскихъ монастыряхъ [2]). Вотъ это то положеніе Кіева во главѣ культурно—и церковно—историческаго движенія и было естественнымъ условіемъ для распространенія вліянія Печерскаго монастыря на всю Русь. Довольно взглянуть на составъ Печерской братіи, чтобы видѣть зависимость монастыря отъ столицы. Въ число его „святой дружины“ послали своихъ представителей кромѣ Кіева, Любечь, Курскъ, Торопецкъ, Смоленскъ, Полоцкъ и даже какое то неизвѣстное по имени село. Въ числѣ Печерской братіи встрѣчаются угры, армяне, половцы и даже сирійцы. Замѣтьте кстати, люди какихъ общественныхъ состояній подвизаются въ пещерахъ преп. Антонія и Ѳеодосія. Князь и смердъ, боярин и купецъ—представители по-

[1]) Приб. къ Тв. св. Отц. 1844, ч. 2 стр. 274.

[2]) Яковлевъ, стр. 9.

чти всѣхъ о щественныхъ классовъ древней Руси. Ясно отсюда, что, такъ сказать, по самой природѣ своей Печерскій монастырь не былъ мѣстнымъ или исключительнымъ въ соціальномъ смыслѣ учрежденіемъ. Въ пещеры Антонія собирались лучшіе люди новаго христіанскаго міра, искавшіе подвига и молитвы, точно такъ же, какъ на кіевскіе торги съѣзжались передовые люди русскаго промышленнаго и культурнаго міра. Теперь становится отчасти понятнымъ, почему Печерскій монастырь такъ широко распространилъ свое вліяніе. Онъ отдавалъ русской землѣ только то, что отъ нея получалъ самъ.

Но вліяніе Печерскаго монастыря было обширно не географически только, а и исторически. Онъ откликался на всѣ тѣ потребности времени, которыя вопіяли къ дѣятелямъ начальной исторіи церкви.—Въ области внѣшней церковной жизни главнымъ фактомъ времени было усиленное распространеніе христіанства. Со второй половины княженія Ярослава (1037 г.), какъ отмѣчаетъ лѣтописецъ „нача вѣра хрестьянска плодитися и расмирятися“ [1]). Но ей далеко было до окончательнаго торжества. Въ самомъ центрѣ русскаго христіанства, въ Кіевѣ, не мало было иновѣрцевъ и особенно жидовъ. И эта разновѣрность населенія, свойственная всѣмъ крупнымъ торговымъ центрамъ древне-русской равнины, развивала въ христіанскомъ населеніи индифферентизмъ, который конечно не обѣщалъ церкви ничего хорошаго. „Не подобаетъ хвалити чюжѣи вѣры, говорится въ посланіи кн. Изяславу о Латынѣхъ, приписываемомъ преп. Ѳеодосію. Аще ли хвалить кто чюжюю вѣру, то обрѣтается свою вѣру хуля. Аще ли начнеть непрестанно хвалити и свою и чюжюю: то обрѣтается таковый двоевѣрье держа и близъ есть ереси“ [2]). И если не смотря на это церковнаго оратора приводило въ восторгъ положеніе христіанства въ столицѣ Руси, то на ея окраинахъ царило глубокое язычество. Языческимъ было инородческое населеніе русской равнины и два славянскихъ племени—вятичей и радимичей. Правда, еще при св. Владимирѣ были открыты

---

[1]) Лавр. 148. Точно также приб. Тв. св. От. 1844 г. ч. 2, стр. 247. „Вящдь.... христіанство растуще“.

[2]) Уч. Зап. Ак. Н. кн. II, вып. II Спб. 1856, стр. 216.

епархіи въ двухъ славянскихъ колоніяхъ русскаго сѣвера, въ Новгородѣ великомъ и Ростовѣ великомъ. Но эти епархіи были только миссіонерскими пунктами, не успѣвшими обратить къ христіанству и эти „великіе“ города. Ярославъ построилъ въ инородческихъ краяхъ два города своего имени: Ярославль на Волгѣ и Юрьевъ въ странѣ Чуди. Но они имѣли скорѣе стратегическое [1]), чѣмъ церковное значеніе и едвали содѣйствовали распространенію христіанства Такимъ образомъ къ пол. XI в. на Руси границы между христіанствомъ и язычествомъ совпадали на сѣверѣ съ границами новгородской земли, на востокѣ съ границами вятичей и радимичей. И первой вопіющей потребностью русской церкви было распространить ея границы на сѣверѣ и сѣверовостокѣ, защищая ее отъ нападеній и на югѣ.

Въ отвѣтъ на эту потребность изъ Печерскаго монастыря выходитъ значительное миссіонерское движеніе. Легко понять, почему Печерскій монастырь воспиталъ миссіонеровъ. Представители всѣхъ классовъ общества и многихъ мѣстъ Руси, печерскіе иноки пользовались обмѣномъ мыслей и наблюденій относительно разныхъ краевъ Руси и развили широкій взглядъ на положеніе церкви. Люди, посвятившіе себя Богу, они знали, гдѣ на Руси чтится Его имя и гдѣ не знаютъ этого имени, и, естественно, становились предводителями поступательнаго движенія христіанства. Прп. Ѳеодосій былъ проникнутъ миссіонерской ревностію. Онъ молился Богу такими словами: „иже суть погани, Господи, обрати я на крестьянство и ти будутъ паша“ [2]). Тайно отъ всѣхъ по почамъ онъ нерѣдко ходилъ къ кіевскимъ жидамъ, спорилъ съ ними и укорялъ за богоотступничество [3]). Въ своихъ поученіяхъ онъ не совѣтуетъ христіанамъ жить мирно съ врагами божіими, съ жидами, еретиками, кривовѣрными и даже защищающими чужую вѣру [4]). Такъ возмущало рев-

[1]) *Соловьевъ*, Исторія т. 1 по изд. „Общ. Польза“ стр. 112.

[2]) Молитва св. Ѳеодосія за вся крестьяны. Уч. Зап. Ак. Н. кн. 11, вып. 11 стр. 223.

[3]) Яковлевъ, 50.

[4]) Уч. Зап. Ак. Н. 196. Прен. Агапитъ печ., безмездный врачъ, обращается къ армянину, тоже врачу, зашедшему къ нему въ келью, съ такими словами: „то како почто смѣлъ если внити келію мою и дрожати за грѣшную мою руку, изыди отъ мене иновѣрне и нечестиве“ Яковлевъ, 134.

ностнаго игумена религіозное безразличіе современнаго общества. Есть основанія думать, что борьба Печерскаго монастыря съ жидами, которые были многочисленны и вліятельны въ Кіевѣ, продолжалась и послѣ преп. Ѳеодосія [1]). И бывали случаи, когда усиліями печерскихъ подвижниковъ жиды обращались къ христіанству [2]). Бывало также иногда, что попадали въ Печерскій монастырь половцы и ужъ не возвращались оттуда въ свои вѣжи [3]). Но этого мало. „Отъ того бо, брате, Печерскаго монастыря, говоритъ еп. Симонъ, мнози епископи быша поставлени; якоже и отъ самого Христа Бога нашего апостоли во всю вселенную послани быша, такоже и отъ самого монастыря великаго пречистыя Его Богоматере мнози епископи поставлени быша і яко свѣтлая свѣтила *освѣтиша всю русскую землю святымъ крещеніемъ*“ [4]). Не нужно долго искать того края, куда съ особенною силою направилось миссіонерское движеніе изъ Печерскаго монастыря. Изучающему исторію распространенія христіанства со второй половины XI в. навязывается невольная мысль, что Печерскому монастырю обязана своимъ христіанствомъ страна верхней Волги, край, гдѣ живемъ мы. Въ то далекое время центромъ гражданской жизни верхняго поволжья былъ великій Ростовъ. За нимъ слѣдовала Суздаль. Ростовская епархія, открытая еще при св. Владимирѣ какъ миссіонерскій пунктъ края не имѣла успѣха. Два первые ростовскіе епископа, не стерпя противленія невѣрующихъ людей, бѣжали изъ города. Христіанство въ Ростовѣ и Суздали утверждаютъ три пострижника печерскаго монастыря— свв. Леонтій и Исаія, а также Ефремъ, слѣдовавшіе, вѣроятно, другъ за другомъ на ростовской каѳедрѣ. Дальнѣйшая церковная жизнь края, какъ показываютъ ея немногія черты, сохранившіяся въ источникахъ, сви-

---

[1]) Разсказъ Поликарпа о Никитѣ затворникѣ. Разсказъ представляетъ печерскаго инока, увлекшагося жидовствомъ и находившагося въ тайныхъ связяхъ съ жидами. Обстоятельный разборъ разсказа можно читать въ ст. проф. *Малышевскаго*, Евреи въ Южной Руси и Кіевѣ въ X—XII вв. Кіевъ, 1878 стр. 70 — 86. Здѣсь же можно найти данныя о многочисленности и вліятельности жидовъ въ древнемъ Кіевѣ.

[2]) Яковлевъ, 95.

[3]) Тамъ же, 96.

[4]) Тамъ же 90.

дѣтельствуетъ о тѣсной связи съ Печерскимъ монастыремъ. Въ Ростовѣ ведется лѣтописецъ, который читалъ въ свое время еп. Симонъ и гдѣ можно было найти тридцать именъ русскихъ епископовъ, вышедшихъ изъ Печерскаго монастыря [1]). Въ Ростовѣ близки были судьбы великой кіевской обители и ея подвижниковъ, вѣроятно, потому, что здѣсь было нѣчто вродѣ колоніи Печерскаго монастыря. Относительно Суздаля это извѣстно документально. Въ концѣ XI в. тамъ было подворье Печерскаго монастыря и церковь св. Димитрія, подаренная этому монастырю какимъ то, Ефремомъ, самое вѣроятное, названнымъ выше ростовскимъ епископомъ [2]). Изъ Суздаля направляются въ Печерскій монастырь богатыя пожертвованія [3]). Замѣчательно также, что князья ростовскаго края первой половины XII в., строя и украшая храмы, непрестанно обращаются за образцами къ Печерскому монастырю. Владиміръ Мономахъ построилъ въ Ростовѣ церковь, которая своими размѣрами и видомъ была копіей съ великой Печерской церкви, и снабдилъ ее иконами, написанными печерскимъ иконникомъ преп. Алипіемъ. Юрій Долгорукій по примѣру отца строитъ такую же церковь въ Суздали [4]). Такимъ образомъ несомнѣнно, что заря христіанства надъ нашимъ краемъ взошла изъ Печерскаго монастыря. Но и не надъ нашимъ только.

Между нашимъ залѣсьемъ и преднѣпровьемъ лежала земля двухъ языческихъ славянскихъ племенъ, которыя по своимъ культурнымъ особенностямъ и политическимъ отношеніямъ были очень далеки Руси. Это земля вятичей и радимичей, которую долгое время обходило русское населеніе, циркулировавшее между верхнимъ поволжемъ и южнымъ приднѣпровьемъ. И вотъ все, что извѣстно объ обращеніи этой земли въ христіанство заключается въ сообщеніи еп. Симона о печерскомъ постриженникѣ пол. XII в., св. Кукшѣ, который крестилъ вятичей и былъ ими убитъ [5]). Если св. Кукша есть важнѣйшій миссіонеръ края, что и вѣроятно,

---

1) Яковлевъ, 90.
2) Лавр. стр. 230, г. 1096.
3) Яковлевъ, стр. 115–117.
4) Тамъ же, стр. 122—123, 179.
5) Тамъ же 97—98.

то мы имѣемъ полное право заявить, что и обращеніе этой земли къ христіанству вышло изъ Печерскаго монастыря.

Этотъ послѣдній фактъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе, когда мы поставимъ его рядомъ съ разсмотрѣннымъ выше, съ фактомъ обращенія къ христіанству ростовской земли. Изъ этого сопоставленія необходимо заключать, что миссіонерское движеніе Печерскаго монастыря имѣло совершенно опредѣленное, именно сѣверо-восточное, направленіе. А это обстоятельство даетъ ему новую цѣну. Извѣстно, что славянское населеніе русскаго юга издавна двигалось на сѣверо-востокъ, въ страну верхней Волги. Въ XII в., когда Кіевъ и русскій югъ отжили свою лучшую историческую пору, славянская колонизація стала очень сильна и однимъ изъ своихъ руслъ направилась въ нашу страну чрезъ землю вятичей и радимичей. Разсмотрѣнные факты свидѣтельствуютъ, что миссіонерское движеніе, вышедшее изъ Печерскаго монастыря, только сопровождало движеніе переселенческое. Печерскій миссіонеръ былъ попутчикомъ христіанскаго населенія южной Руси, стремившагося во страну далече, на финскій сѣверо-востокъ, и онъ создалъ своему монастырю значеніе въ этнографической исторіи Руси. Къ великому сожалѣнію, мы слишкомъ мало знаемъ о томъ, какъ распространялось христіанство въ странѣ верхней Волги, чтобы оцѣнить по достоинству дѣятельность печерскихъ миссіонеровъ. Но то, что извѣстно или о чемъ можно догадываться, наводитъ на мысль, что въ странѣ ростовской мери печерскій миссіонеръ былъ поборникомъ славянства. Въ житіи св. Леонтія рост. есть довольно загадочное извѣстіе. Встрѣтивъ сначала неудачу при обращеніи ростовцевъ, епископъ оставляетъ взрослыхъ и обращается къ дѣтямъ, уча ихъ основнымъ истинамъ христіанской вѣры. Позднѣйшая редакція житія заставляетъ Леонтія устраивать тайныя собранія дѣтей и прикармливать ихъ кутьей. Но самымъ естественнымъ представляется видѣть здѣсь извѣстіе объ училищѣ, которое обыкновенно по главнымъ городамъ Руси (въ Кіевѣ и Новгородѣ) слѣдовало за обращеніемъ къ христіанству, а въ Ростовѣ можетъ быть и предшествовало ему, существуя сначала тайно. Понятно, какъ важенъ этотъ фактъ въ смыслѣ культурно-этнографическомъ. Финскія племена поволжья въ эпоху печальной

лѣтописи и по ея свидѣтельству сохранили свои родныя нарѣчія. „А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, *Меря*, Весь, Мурома“ и т. д.; „си суть свои языкъ имуще“... [1]). Естественно, что христіанская миссія не обладавшая большими просвѣтительными средствами, не создавала инородческой грамоты, не переводила священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ на финскія нарѣчія и конечно не щадила этихъ нарѣчій. Надо думать, что, распространяясь только на славянскомъ языкѣ, христіанство ускоряло его распространеніе по нашей равнинѣ. Если для оглашенія славянина по древне-русской церковной практикѣ требовалось только 8 дней, а для болгарина, половчина и *чудина* въ пять разъ больше [2]), то ясно, что большая часть этихъ дней тратилось у нихъ на ознакомленіе съ языкомъ проповѣдника. И св. Леонтій, хотя самъ можетъ быть и говорилъ померянски, какъ положительно объ этомъ свидѣтельствуетъ одна поздняя редакція его житія [3]), но уча дѣтей, онъ имъ давалъ въ руки только славянскую книгу. Впрочемъ если даже догадка о ростовскомъ училищѣ не совсѣмъ надежна, дѣятельность печерскихъ миссіонеровъ въ пользу славянизаціи края всетаки несомнѣнна. Подтвержденіемъ этому служитъ тотъ фактъ, что главными противниками христіанства въ странѣ верхней Волги были финны, что они противились св. Леонтію [4]), они высылали волхвовъ, поднимавшихъ цѣлыя возстанія [5]), они бѣжали наконецъ въ страну болгаръ отъ правительственной власти, помогавшей водворенію христіанства въ краѣ [6]). Конечно все это могло произойти только въ томъ случаѣ, если въ странѣ верхней Волги боролись между собою не однѣ религіи, но и народности. И несомнѣнно, въ быстрой побѣдѣ славянства надъ финнами верхняго поволжья печерскимъ

---

[1]) Лавр. 10.

[2]) Вопрошаніе Кирика. Русск. Ист. Б-ки, т. VI стр. 33.

[3]) Житіе св. Леонтія, еп. ростов, изд. А. Титовымъ. Чт. О. И. и Др. 1893, 4 ч. стр. II.

[4]) Ник. Лѣт. по изд. Акад. II. VIII, 245.

[5]) Лавр. 170—174 стр. 1071 г.; 207 стр. 1091 г. Обстоятельный разборъ этихъ данныхъ въ кн. *Корсакова*, Меря и ростовское княжество. Казань, 1872, стр. 89--91.

[6]) Тамъ же, стр. 30—31, прим. 63.

миссіонерамъ принадлежитъ значительная доля участья. Таково значеніе Печерскаго монастыря въ исторіи распространенія христіанства и русской народности.

Но христіанство XI в. владѣло на Руси не только половиной страны, но и половиной сознанія собственно христіанской половины. Напрасно говорятъ, что христіанство доступно всякому человѣку. Высокая и чистая религія, оно можетъ быть усвоено только тѣмъ сознаніемъ, которое теоретически доросло до отличенія религіи отъ другихъ областей жизни и міровоззрѣнія и въ тоже время возвысилось практически до требованія высшаго, религіознаго показателя пути жизни. Русское язычество далеко не подготовило народъ къ усвоенію христіанства. Въ міровоззрѣніи русскаго язычника религія смѣшивалась съ правомъ, бытомъ, а главное, съ воззрѣніями на природу и весь этотъ первобытный хаосъ міровоззрѣнія облекался въ форму миѳа. Христіанство, какъ высшая религія, отдѣляетъ Бога отъ міра. Для русскаго язычника боги прежде всего міровыя явленія. Они распростерлись надъ русской землей небеснымъ сводомъ и сіяли оттуда на человѣка, они гремѣли и блистали изъ тучъ, шумѣли въ порывахъ вѣтра. Эти боги густо населили и русскую землю. Они царили въ непроходимыхъ лѣсахъ равнины, плескались въ ея тихихъ водахъ. Въ видѣ душъ умершихъ предковъ они окружили жилище и жизнь человѣка. Такъ низко было развитіе религіозно-теоретической мысли русскаго язычника.—Въ сферѣ религіозно-практической его мыслъ была даже ниже. Христіанскій Богъ—высшее добро, Онъ всесвятой. Русскіе боги не отличаются этимъ качествомъ. Олицетворенныя силы природы, съ нравственной точки зрѣнія они были безразличны и если дѣлились на добрыхъ и злыхъ, то только въ смыслѣ физическаго зла и добра и съ точки зрѣнія утилитарной. А такъ какъ въ природѣ русской страны между стихіями не замѣчалось рѣзкой борьбы, которая бы отражалась рѣшительно на интересахъ и жизни человѣка, такъ какъ въ ней нѣтъ стихійной силы, подавляющей всѣ другія, то среди русскихъ боговъ не замѣтно рѣзкаго разграниченія и съ этой утилитарной точки зрѣнія. Добры или злы русскіе боги были не по природѣ своей и не по отношенію ко всѣмъ людямъ (злыхъ напр. боговъ въ русской миѳологіи очень мало). Боги лю-

били людей или ненавидѣли случайно. И это лишало ихъ характера грандіозности и опредѣленности и населило русскій олимпъ мелочными и безформенными въ антропоморфическомъ смыслѣ существами.—Поэтому въ отношеніи къ богамъ русскій язычникъ не считалъ обязательнымъ чувство благоговѣнія. Его религіозная жизнь слагалась главнымъ образомъ изъ двухъ элементовъ—изъ чувства благодарности къ добрымъ т. е. расположеннымъ богамъ и изъ чувства страха предъ богами злыми, нерасположенными,—при томъ такъ, что чувство благодарности не переходило у него въ чувство полной преданности, а страхъ не приводилъ его къ сознанію полнаго безсилія. Человѣкъ задобривалъ бога, ища его покровительства до тѣхъ поръ, пока тотъ ему дѣйствительно благоволилъ. Но какъ только поклонникъ замѣчалъ съ его стороны недостатокъ предупредительности, онъ лишалъ его знаковъ вниманія или даже наказывалъ его идола. Наконецъ для обузданія враждебныхъ боговъ онъ пользовался извѣстнымъ орудіемъ — волшебствомъ. Такимъ образомъ законодателемъ нравственной жизнедѣятельности являлся самъ человѣкъ, а не божество. На долю послѣдняго выпадала болѣе скромная задача—помогать человѣку, быть ему другомъ, мириться послѣ ссоръ и оказывать услуги вмѣсто козней. Ученіе о загробной жизни, по которому можно судить о высотѣ морали, проповѣдуемой религіей, было очень не высоко у русскихъ славянъ. Загробная жизнь представлялась имъ продолженіемъ и повтореніемъ настоящей со всѣми ея потребностями, наслажденіями, даже бытовыми и соціальными порядками. Ясно отсюда, что мораль русской языческой религіи была прямо противоположна христіанскому нравственному ученію.—Поэтому христіанство задало русской религіозной мысли въ свое время очень трудную задачу, съ которой она могла справиться только вѣками. Первымъ христіанскимъ поколѣніямъ на Руси было высоко до христіанскаго Бога и далеко до христіанскаго идеала и они не разставались съ прежними богами и нравами. Является двоевѣріе и языческій разгулъ страстей.

Печерскій монастырь несомнѣнно содѣйствовалъ христіанизаціи русскаго общества. Изъ средствъ, которыми онъ располагалъ для этого дѣла кромѣ спеціально-подвижническаго средства ,непосредственнаго нравственнаго вліянія,

въ его распоряженіи были нѣкоторыя и общецерковныя средства—проповѣдь и духовное просвѣщеніе. Нашему монашеству не чужда была мысль о призваніи его въ сферѣ пастырскаго учительства. Прп. Ѳеодосій говорилъ одинъ разъ кн. Святославу „се намъ подобаетъ обличати и глаголати вамъ, еже на спасеніе души, вамъ же лѣпо бы послушати того“ [1]). Дѣйствительно, прп. Ѳеодосій поучалъ не только братію но и мірянъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ оставшіяся отъ него поученія.—Въ исторіи духовнаго просвѣщенія древней Руси Печерскій монастырь также не остался безъ значенія: онъ внесъ свою посильную лепту и въ эту скудную сокровищницу. Студійскій уставъ требовалъ отъ монаха, какъ обязательнаго,чтенія книгъ и потому грамотность въ Печерскомъ монастырѣ была распространена. О неграмотномъ инокѣ, выходцѣ изъ села, у Поликарпа сообщается, какъ о явленіи рѣдкомъ [2]). Книгами очень дорожили въ монастырѣ, ихъ усердно переписывали и переплетали. Нѣкоторые монахи имѣли ихъ въ видѣ частной собственности и приносили въ даръ монастырю [3]). Немудрено поэтому если изъ Печерской школы вышло столько писателей. Довольно упомянуть имена прп. Ѳеодосія, Нестора, еп. Симона владим. и Поликарпа, чтобы понять, какое видное мѣсто въ древне-русской литературѣ принадлежитъ Печерскому монастырю.

Посмотримъ теперь, въ чемъ выразилось христіански просвѣтительное вліяніе монастыря на русское общество. Всматриваясь въ древне-русское христіанское міросозерцаніе можно замѣтить, что его теоретическая сторона была всегда ниже практической. Двоевѣріе давало себя знать уже въ то время, когда нашъ народъ сталъ христіанскимъ по своимъ нравственнымъ идеаламъ. Конечно, прежде всего это можно объяснить тѣмъ, что христіанской догматикѣ пришлось вытѣснять болѣе или менѣе опредѣленное языческое міросозерцаніе, тогда какъ христіанская мораль нашла въ представленіяхъ язычника почти tabulam rasam и безпре-

---

1) Яковлевъ, 53.
2) Тамъ же 173.
3) Тамъ же, 32, 29; 101 ср. 136, 138—139.

пятственно ее наполнило своимъ содержаніемъ. Важно также и то соображеніе, что религіозно-теоретическая мысль въ большей степени подчинена закону постепеннаго развитія, чѣмъ мысль религіозно-практическая. Но главнымъ образомъ это различіе обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что для религіозно-теоретической стороны міровоззрѣнія на Руси не было такой школы, какимъ было подвижничество съ Печерскимъ монастыремъ во главѣ для религіозно-нравственнаго воспитанія общества. Правда, изъ Печерскаго монастыря, изъ устъ самаго преп. Ѳеодосія выходило осужденіе и двоевѣрія. Въ своемъ поученіи „о казняхъ Божіихъ“ онъ осуждаетъ какъ языческіе обычаи — вѣру въ примѣты, гаданье, волшебство, чары. Но замѣчательно, что въ этомъ, кажется, единственномъ въ своемъ родѣ, мѣстѣ къ языческимъ обычаямъ относятся явленія чисто-нравственныя (зависть, клевета и др.) и соціальныя (проценты и др.). Ясно, что прп. Ѳеодосій былъ скорѣе проповѣдникомъ—моралистомъ, чѣмъ апологетомъ, а его монастырь религіозно-нравственной школой для общества.—Мы видѣли, что языческая религія Руси проповѣдывала такую низкую мораль, при которой совершенно непонятны были евангельскія требованія жить для Бога и презирать міръ; непонятны были требованія, служившія принципами христіанскаго подвижничества. И величайшая историческая заслуга Печерскаго монастыря состоитъ въ томъ, что онъ показалъ русскому обществу примѣры истиннаго христіанскаго подвижничества. Въ похвалѣ прп. Ѳеодосію совершенно правильно указывается значеніе его подвига, ставящаго его наравнѣ съ крестителемъ Руси, именно въ томъ отношеніи, что прп. Ѳеодосій вмѣстѣ съ учителемъ своимъ Антоніемъ первый на Руси показалъ путь полнаго христіанскаго самоотреченія [1]). Дѣйствительно, монашеская жизнь на Руси до Печерскаго монастыря не представляла отрадной картины. Прп. Антоній возвращается съ Аѳона въ Кіевъ, обходитъ монастыри и не удовлетворяется ими. Нѣсколько лѣтъ спустя прп. Ѳеодосія не принимаютъ въ кіевскихъ монастыряхъ за его бѣдность. Два великіе подвижника, имена которыхъ стали рядомъ въ исторіи русской церкви и монашества,

---

[1]) Яковлевъ, 65.

какъ „начальника русскимъ монахамъ“ и „старѣйшины русскихъ черноризцевъ“ [1]) сходятся въ лѣсу за Кіевомъ, поселяются въ пещерѣ, изъ которой и выросла великая Печерская обитель. Наши памятники не находятъ достаточныхъ словъ, чтобы выразить огромное нравственное вліяніе Печерскаго монастыря на общество. И здѣсь они преувеличиваютъ немного. Правда, надо сказать, что у Нестора, Симона и Поликарпа есть тенденція выставить жизнь Печерской братіи въ особенно яркомъ свѣтѣ, представить ее жизнью земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ, тогда какъ поученія прп. Ѳеодосія даютъ знать, что среди печерской братіи бывали и земные человѣки. Но всетаки несомнѣнно, что жизнь печерскихъ иноковъ въ общемъ была высока, а подвиги многихъ изъ нихъ прямо безпримѣрны. Предъ очами русскаго міра не на имѣнье князей и бояръ, а слезами молитвою и постомъ выросъ Печерскій монастырь,—міръ совершенно особыхъ отношеній и непостижимыхъ для полуязыческаго общества задачъ. Міръ подвижниковъ презиралъ то, чему покланялся міръ человѣческій и особенно языческій, и ревновалъ о томъ, чего совершенно не понималъ языческій міръ и о чемъ только въ поученіи слышалъ тогдашній міръ христіанскій.—Кромѣ разнообразнаго проявленія подвижничества Печерскій монастырь выставилъ и примѣры страданія за вѣру и правду, которое также едва ли постигалъ русскій міръ своею религіозною мыслію. Стремленіе Печерскихъ подвижниковъ къ мученичеству было совершенно сознательно. Прп. Ѳеодосій ходитъ къ жидамъ, ища себѣ смерти; онъ радъ былъ, когда обличаемый имъ князь Святославъ хотѣлъ наказать его, потому что, по замѣчанію прп. Нестора, искалъ страданій за правду [2]). Замѣчательно, что большинство извѣстныхъ намъ христіанскихъ мучениковъ на Руси за кіевскій періодъ вы-

---

[1]) Яковлевъ, 126. Слово въ недѣлю всѣхъ свв. приписываемое м. Клименту Смол. *Никольскій*. О литературныхъ трудахъ м. Климента. Спб. 1892, стр. 223.

[2]) Яковлевъ, 50 и 52. Въ посланіи кн. Изяславу о Латынѣхъ, приписываемомъ прп. Ѳеодосію, говорится. „Рече ми отецъ: чадо, аще ти ся лучить по вѣрѣ сей святѣй, Господа ради, умрети, то съ дерзновеньемъ не останися правыя сея вѣры, но умри за Христову вѣру“. Уч. Зап. Ак. Н. кн. II, вып. II стр. 217.

шло изъ Печерскаго монастыря. Св. Леонтій, убитый по патерику растовцами, прп. Кукша, погибшій среди Вятичей, Евстратій постникъ, распятый жидами,—все это печерскіе подвижники.—Жизнь для Бога до готовности умереть за Него открыла надъ Печерскимъ монастыремъ небо и наполнила его жизнь сверхъестественнымъ. Тамъ чудеса. Тамъ изгоняютъ бѣсовъ, умножаютъ медъ и хлѣбъ, исцѣляютъ больныхъ, пророчествуютъ. Туда сходятъ ангелы. Сама Богоматерь принимаетъ участіе въ построеніи Печерской церкви. Словомъ, Печерскій монастырь въ сознаніи современниковъ сталъ „подобенъ небеси“ [1]). Жизнь Печерскаго монастыря съ его подвигами, мученичествомъ и чудесами и была однимъ изъ крѣпкихъ корней, которымъ приросло христіанство къ русской почвѣ, — была его ненамѣренной, но блестящей апологіей. И можно представить, насколько сильно поражалась русская мысль великими примѣрами Печерскаго подвижничества. Если въ древне-русской нравственной философіи такъ силенъ аскетическій элементъ, если спасеніе обыкновенно представлялось у насъ подъ формой монастырскаго подвижничества, то это, по нашему мнѣнію, не слѣдствіе прямого вліянія Византіи, а скорѣе слѣдствіе преобладающаго нравственно-воспитательнаго вліянія нашаго русскаго подвижничества, во главѣ котораго стоялъ Печерскій монастырь.

Послѣ этого нужно было бы ожидать, что христіанское общество проявитъ сильное движеніе въ пользу монашества а Печерскій монастырь пошлетъ піонеровъ монашества, основателей другихъ монастырей, какъ это сдѣлалъ послѣ монастырь преп. Сергія. Однако этого не замѣчается. Движеніе общества въ пользу монашества было, но его можно прослѣдить скорѣе не быстромъ ростѣ самого Печерскаго монастыря, чѣмъ на появленіи другихъ монастырей. Ихъ вообще въ кіевскій періодъ было немного, а въ лучшую пору Печерскаго монастыря, съ начала его до первой четверти XII в., и совсѣмъ мало.—Среди учениковъ пр. Антонія и Ѳеодосія не было стремленія къ строительству новыхъ монастырей, какое ясно замѣчается среди учениковъ прп. Сергія, не было стремленія разойтись. Даже наоборотъ, среди раз-

[1]) Яковлевъ, 25.

сѣянныхъ по лицу русской земли печерскихъ подвижниковъ всегда было живое стремленіе къ центру, въ великій монастырь на горахъ кіевскихъ. Оно воспитано было прп. Ѳеодосіемъ. Припомнимъ, съ какою радостью онъ встрѣтилъ прп. Никона, возвратившагося изъ Тмуторакани, и съ какими слезами умолялъ его не оставлять монастыря. Послѣ прп. Ѳеодосія печерскіе подвижники также держались своего монастыря и внѣ его стѣнъ чувствовали себя какъ на чужбинѣ. Въ извѣстныхъ словахъ еп. Симона, изъявлявшаго готовность оставить богатую владимирскую каѳедру и хотя бы соромъ валяться на дворѣ Печерскаго монастыря, выражается эта тоска печерскаго постриженника по своей духовной родинѣ. Но вотъ прожилъ свою жизнь печерскій постриженникъ гдѣ-нибудь вдали отъ Кіева, напр. въ званіи епископа, а умереть ему все-таки хочется въ родномъ монастырѣ. Сохранился трогательный разсказъ о смерти знаменитаго архіеп. новгор. Нифонта, печерскаго постриженника [1]). Въ 1156 г. онъ пришелъ въ Кіевъ для встрѣчи новаго митрополита изъ Константинополя и занемогъ. За три дня до смерти его посѣтило чудное видѣніе—ему явился прп. Ѳеодосій въ Печерской церкви и сказалъ, что Нифонтъ сдѣлалъ хорошо пришедши сюда, потому что они будутъ почивать теперь неразлучно. Въ рукѣ прп. былъ свитокъ, на которомъ епископъ прочиталъ: „се азъ и дѣти, яже ми есть далъ Богъ“. Здѣсь первый разъ хронологически сквозитъ ясная мысль о спасительности быть погребеннымъ въ Печерскомъ монастырѣ. Эта мысль, основанная на обѣщаніи прп. Ѳеодосія молиться за всѣхъ живущихъ въ его монастырѣ [2]), впослѣдствіи доведена была печерскими иноками до крайности, до убѣжденія, что всѣ погребенные въ ихъ монастырѣ спасутся [3]). И въ такомъ видѣ она перешла въ общество. Мысль о спасительности погребенія въ Печерскомъ монастырѣ снова дастъ знать, какую степень религіозно-нравственнаго вліянія въ древне-русскомъ обществѣ имѣлъ этотъ монастырь. Но она конечно не благо-

---

[1]) Ипатьевская Лѣтоп. Изд. Спб. 1871, стр. 332.

[2]) Яковлевъ, 113.

[3]) Тамъ же 92—93, 99, 120, 131.

пріятствовала развитію монашества [1]). Впрочемъ и это обстоятельство легко объяснить характеромъ времени. Печерскій монастырь началъ свое существованіе среди полуязыческаго общества въ странѣ, наполовину христіанской. Достаточной почвы для монашества въ другихъ краяхъ кромѣ южной Руси и частнѣе Кіева тогда еще не было. Такое положеніе дѣла и развило среди печерской братіи боязнь разсѣяться и чувство сильной привязанности къ святому мѣсту,— которыя потомъ стали традиціями. Вотъ почему немногочисленны и случайны по происхожденію монастыри, построенные собственно печерскими подвижниками. Вотъ почему въ исторіи собственно распространенія монашества Печерскій монастырь не имѣлъ такого значенія, какъ обитель прп. Сергія, что̀ можно видѣть на слѣдующихъ данныхъ изъ исторіи русскаго монашества за кіевской періодъ. Въ Новгородскомъ краѣ съ начала XII в. обнаружилось самостоятельное монашеское движеніе и ставить его въ непосредственную связь съ Печерскимъ монастыремъ никакъ нельзя. Далѣе. Если ростовскій край въ эпоху церковной связи съ Печерскимъ монастыремъ (приблизительно до времени Андрея Боголюбскаго), былъ очень бѣденъ монастырями и не далъ церкви подвижниковъ, то нельзя ли въ этомъ даже обвинить Печерскій монастырь, нельзя ли это объяснить тѣмъ, что люди, ищущіе подвига, стремились оттуда въ монастырь прп. Антонія и Ѳеодосія не заботясь о построеніи монастырей въ своемъ краѣ?! Итакъ можно сказать, что Печерскій монастырь не имѣлъ значенія въ смыслѣ сознательнаго разсадника русскаго монашества. Если же русскіе памятники именуютъ его основателей начальникомъ и старѣйшиной русскихъ черноризцевъ, а самый монастырь старѣйшимъ изъ русскихъ монастырей [2]), то это потому, что въ Печерскомъ монастырѣ явилась опредѣленная организація монашеской жизни, здѣсь былъ принятъ студдійскій уставъ, который сталъ потомъ уставомъ всѣхъ русскихъ

---

[1]) Такое исключительное положеніе Печерскаго монастыря среди монастырей Руси обусловливало его церковно-административное значеніе. Изъ него согласно показанію еп Симони (Яковлевъ, 90) до нач. XIII в. вышло около 50 епископовъ русской церкви.

[2]) Лавр. л. 156 стр.

ШУНДАМЕ... БИБЛИОТ... Общественных Академии Наук

монастырей, хотя можетъ быть и не во всей строгости и полнотѣ [1]). Вліяніе Печерскаго монастыря на русское монашество надо видѣть еще и въ томъ, что онъ выставилъ такой рядъ подвижниковъ, которымъ послѣдующіе подвижники другихъ русскихъ монастырей только подражали.— Таково значеніе монастыря въ исторіи религіозно-нравственнаго развитія древне-русскаго общества.

Но у русскаго общества XI—XII вв. были специфическіе соціальные недостатки, обусловливавшіеся характеромъ времени. Трудно указать въ нашей исторіи время, когда бы такъ круто мѣнялся весь соціальный строй народной жизни, какъ въ эти вѣка и предшествующій имъ. Съ X вѣка подъ вліяніемъ главнымъ образомъ торговли начинается на Руси паденіе родового быта и возникновеніе новаго соціальнаго строя. Такія эпохи тяжелы въ жизни народной и некрасивы съ нравственной стороны. При ломкѣ стараго быта слабѣли чувства альтруизма и солидарности,— родственныя чувства, которыя замѣняли теперешніе патріотизмъ и сознаніе гражданскаго долга и держали въ гармоніи и относительномъ порядкѣ членовъ общества. Въ основу новаго строя полагался фундаментъ совершенно иной, черты какъ разъ противоположныя — эгоизмъ и индивидуализмъ. Это время наивысшаго развитія единичной личности въ смыслѣ соціальной силы, время богатырей. Разрушивъ силою собственнаго интереса родовую опеку личность естественно развиваетъ свои права на счетъ другой. Съ другой стороны это время является эпохой возникновенія рабства и его усиленнаго распространенія. Богатырь и рабъ, могучая личность и обезличенный человѣкъ,— вотъ два господствующихъ общественныхъ типа времени. Экономическій строй общества, выростившій это правовое неравенство, конечно не отличался равенствомъ въ распредѣленіи экономическихъ благъ. Наряду съ богатырями капитала „гостями богатыми“, много было и бѣдноты. И замѣчательно, что законодательство охраняло не право человѣческой личности, а неприкосновенность капитала. Видно, что черствая „Русская Правда“ создана въ торговомъ городѣ и господствующимъ торговымъ классомъ. Понятно,

---

[1]) *Е. Е. Голубинскій*, Исторія русской церкви т. 1 пол. 11 стр. 520—526.

какую моральную окраску получило русское общество того времени. Жестокость господина и немилосердіе богача являются главными соціальными пороками времени. За ними слѣдовало паденіе нравовъ. Стеченіе капиталовъ развивало въ богатомъ классѣ роскошь, сибаритство и нравственную распущенность. Народная былина кіевскаго края воспѣваетъ княжескіе пиры, представляетъ типы развращенныхъ богачей и волакитъ и строгость нравовъ вовсе не считаетъ отличіемъ кіевскихъ женщинъ [1]). Въ историческихъ памятникахъ можно найти подтвержденіе этихъ положеній,—особенно въ поученіяхъ, которыя только не воспѣваютъ, а осуждаютъ все это.

Несомнѣнно, высокій примѣръ печерскихъ подвижниковъ въ строѣ ихъ „общаго житія“ имѣлъ вліяніе на нравственное сознаніе общества. Ставя себя рядомъ съ святой печерской дружиной, древне-русское общество находило свое рѣшительное осужденіе. Отреченіе отъ собственности, строго соблюдаемое во все время дѣйствія общежительнаго студійскаго устава [2]), было какъ разъ противоположно тому стремленію къ наживѣ, которое сильно было развито въ торговомъ Кіевѣ. Общность жизни монаховъ возвращала русскую общественную мысль къ золотому времени родового быта и осуждала индивидуализмъ, развившійся подъ вліяніемъ историческихъ условій жизни. Обязанность безусловнаго послушанія своему игумену, отреченіе отъ своей грѣховной воли показывало русскому богатырю, что есть сила несравненно высшая его непобѣдимой и неограниченной личной мощи,— сила христіанскаго смиренія. Она низводила князя

---

1) *Костомаровъ*, Историческія монографіи т. 1 изд. 2 стр. 129—133.

2) Когда начало падать въ Печер. монастырѣ общежитіе, опредѣленно сказать трудно. Въ эпоху начальной лѣтописи (до 1110 г.) оно существовало во всей строгости, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи о Печер. монастырѣ „въ немже и донынѣ добродѣтельное житіе живуть, *обще вси вкупѣ* въ пѣньи, въ молитвахъ, въ послушаньи“ Лавр. 192 стр. Яковлевъ 21. Но въ посланіяхъ Симона и Поликарпа встрѣчаются извѣстія кон. XI и нач. XII вв., свидѣтельствующія объ ослабленіи общежительнаго устава. (Они собраны у *Е. Е. Голубинскаго*, Исторія 1 т. ч. 2, стр. 522—523). Если изъ нихъ извѣстія кон. XI в. можно понимать въ смыслѣ показанія частныхъ нарушеній, то данныя XII в. показываютъ общее ослабленіе строгости устава. Къ монгольскому періоду отъ общежитія въ Печер. монастырѣ осталась только общая трапеза.

и боярина въ ряды простыхъ монаховъ, возводя до того же положенія смерда и раба. Монастырь уравнивалъ всѣхъ, напоминая рабовладѣльческому обществу вѣчную истину, что всѣ мы равны. Наконецъ строгій аскетизмъ печерскихъ подвижниковъ, ихъ денно-нощные труды, вниманіе къ своему нравственному состоянію и упорная борьба съ плотью были укоромъ обезпеченной, живущей чужимъ трудомъ и развращенной части общества. Предъ сознаніемъ русскаго общества, привыкшимъ къ физическому богатырству, являются новые богатыри, только богатыри духа.

Но Печерскій монастырь съ его особенными обитателями и порядками не былъ только картиной, настраивавшей на высокій ладъ людей, захотѣвшихъ остановиться предъ ней и вникнуть въ ее содержаніе. Печерскіе подвижники, проникнутые мыслью о томъ, что они должны учить міръ, а міръ долженъ ихъ слушать, усердно комментировали для него свою жизнь и осуждали все то, что было несогласно съ нею въ жизни міра. Въ житіи прп. Ѳеодосія разсказывается характерный случай. Князь Изяславъ, обѣдая разъ въ монастырѣ, похвалилъ игумену монастырскую трапезу, заявивъ, что его рабы не могутъ приготовить такихъ вкусныхъ блюдъ. Прп. Ѳеодосій, „хотя увѣрити того на любовь Божію“, отвѣчалъ сравненіемъ монастырской и княжеской кухни. Въ монастырской поварницѣ слышалась молитва, дрова зажигались церковнымъ огнемъ, въ кухнѣ князя происходили вѣчныя ссоры и драки. Здѣсь нельзя не видѣть въ прп. Ѳеодосіи послѣдователя Ѳеодора Студита, запрещавшаго монахамъ имѣть рабовъ [1]). Въ своихъ поученіяхъ прп. осуждаетъ неумѣренные проценты (рѣзоиманіе, приклады), пьянство, музыку и пиры, которые превращали христіанскіе праздники въ языческіе оргіи, осуждаетъ легкость нравовъ [2]). Однажды онъ далъ понять Святославу, какъ не нравится ему постоянная музыка въ княжескомъ дворцѣ и съ тѣхъ поръ князь прекращалъ веселье,

---

[1]) *Е. Е. Голубинскій*, Исторія, т. 1 ч. 2 стр. 515 прим. 2. Впослѣдствіи Печерскій монастырь владѣлъ рабами, что можно видѣть и изъ патерика (Яковлевъ, 137, 138, 139) и они исполняли нѣкоторыя работы по кухнѣ, напр. мололи муку (тамъ же, стр. 168).

[2]) Уч. Зап. Ак. Н. кн. II, ч. II, 195 196 и др.

какъ только чрезъ его порогъ переступалъ печерскій игуменъ. Одинъ изъ приемниковъ Ѳеодосія (иг. Іоаннъ) обличалъ кн. Святополка за его корыстолюбіе [1]).

Впрочемъ для нуждъ міра подчасъ недостаточно было ни нравственнаго обаянія монастыря, ни поученія его игумена, ему нужна была власть монастыря, его фактическое вмѣшательство въ жизнь міра. Въ Печерскій монастырь приходитъ разъ просить защиты неправильно осужденная вдова. Встрѣтясь съ прп. Ѳеодосіемъ и не узнавъ его по одеждѣ, она проситъ проводить къ игумену. Ѳеодосій говоритъ вдовѣ: „зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ, вѣдь онъ человѣкъ грѣшный?“ „Я этого не знаю, отвѣчаетъ вдова, но я знаю, что онъ многихъ избавилъ отъ печали и напасти, и пришла просить его защиты предъ судомъ“.—И Печерскій монастырь не посмотрѣлъ безъ сожалѣнья и участья на міръ, страдавшій отъ своей кривды. Политика, рынокъ, судъ, общественная благотворительность—все это испытало на себѣ сосѣдство Печерскаго монастыря и всегда онъ становился за угнетенную сторону. Когда братья изгнали изъ Кіева Изяслава и Святослава посадили на его мѣсто, прп. Ѳеодосій отказался поминать новаго князя въ церкви. Кроткій, всегда послушный и никогда не гнѣвающійся, онъ рѣзко укоряетъ нарушителя братскихъ правъ, нисколько не боясь княжескаго гнѣва. Это не было слѣдствіемъ простого увлеченія борьбой, потому что и помирившись съ Святославомъ прп. Ѳеодосій не переставалъ твердить князю, чтобы тотъ возвратилъ столъ кіевскій брату [2]).—На кіевскомъ рынкѣ случались иногда прискорбныя явленія. Кн. Святополкъ Изяславичъ, бывшій во враждѣ съ Галицкими князьями послѣ ослѣпленія Василька и въ союзѣ съ кіевскими жидами, запретилъ ввозъ соли изъ Галиціи. Соль вздорожала и народъ долженъ былъ платить большія деньги монопо-

---

[1]) Яковлевъ, 156.

[2]) Извѣстны факты, свидѣтельствующіе о почтеніи, которымъ окружили Печерскій монастырь русскіе князья (Ихъ перечень у *м. Евгенія*, Описаніе кіево-печерской Лавры Кіевъ 1826, 15—16 стр.). Но нельзя забывать здѣсь и случаевъ другого рода, случаевъ насилія надъ Печерскими иноками со стороны рус. князей: Мстиславъ Святополковичъ замучилъ прп. Ѳеодора и Василія, братъ Мономаха Ростиславъ утопилъ прп. Григорія (Яковлевъ, 177 –178; 140) Факты послѣдняго рода о чтабляютъ значеніе первыхъ.

листамъ. Но тутъ вступается за бѣдняка потребителя Печерскій монастырь, который къ к. XI в. успѣлъ разбогатѣть. Онъ открылъ свои запасы соли и тѣмъ сбивалъ ея цѣну. Странно было видѣть, говоритъ Поликарпъ, какъ пусто было торжище и какъ покупатели наполняли монастырь [1]). Неудовольствіе кіевскихъ купцовъ и самого князя на вмѣшательство монастыря не поправило ихъ дѣла. Замыселъ ихъ не удался.—А вотъ древне-русскій судъ. Отцы древней Руси завѣщали своимъ дѣтямъ: „чадо, въ судьинъ дворъ не ходи“ [2]). Тіуна, княжескаго судью, считали погибшимъ для царства небеснаго [3]). Прп. Ѳеодосій былъ заступникомъ предъ судьями и князьями для многихъ. Въ Кіевѣ знали его съ этой стороны: къ нему шли просить защиты и печалованья и получали ихъ, потому что, замѣчаетъ прп. Несторъ, его не могли преслушаться за его святость [4]). Однажды онъ отпустилъ разбойниковъ, взятыхъ въ одномъ монастырскомъ селѣ, а послѣдующіе подвижники даже выкупали осужденныхъ преступниковъ [5]).—Тяжелыя условія народной жизни и соціальныя нестроенія развивали въ низшихъ классахъ бѣдность, которая налагала на церковь задачу благотворительности, а церковной проповѣди задала любимую потомъ тему о милосердіи къ бѣднымъ. Печерскій монастырь выступаетъ и въ роли благотворителя. Прп. Ѳеодосій былъ очень милосердъ: видъ убогаго и нищаго въ худой одеждѣ вызывалъ у него слезы состраданія [6]). И вотъ онъ построилъ за монастыремъ дворъ съ церковію, на которомъ принимались нищіе и больные [7]). Монастырь расходовалъ на это десятину своихъ доходовъ. Кромѣ того каждую субботу онъ посылалъ возъ печенаго хлѣба находящимся въ узахъ [8]).

---

[1]) Яковлевъ 154—155.

[2]) Описаніе Румянц. музея, стр. 52.

[3]) Пам. стар. р. Литерат., изд. Костомаровымъ и Пыпинымъ, вып. 4 стр. 184—185.

[4]) Яковлевъ, 56.

[5]) Тамъ же, 41, 137.

[6]) Въ посланіи къ Изяславу говорится: „милостынею же милуй не только своея вѣры но и чужея“... Уч. Зап. Ак. Н. кн. II вып. II, 217 стр.

[7]) Яковлевъ, 62. Впослѣдствіи, когда монастырь разросся, этотъ дворъ приходился между старымъ монастыремъ и новымъ и соединялъ ихъ въ одну систему строеній.

[8]) Тамъ же 41.

Одно изъ поученій прп. Ѳеодосія открываетъ, что эта благотворительная дѣятельность монастыря установилась не безъ внутренней борьбы. Замыслы прп. Ѳеодосія вызвали протестъ среди братіи. И онъ долженъ былъ напоминать противникамъ, что вѣдь сами то они содержатся благотворительностью міра, что плата міру молитвой за него недостаточна, а для нихъ самихъ недостаточны посты, пѣніе и молитвы безъ милостыни [1]). Въ голодные годы среди Печерскихъ иноковъ являлись сиропитатели. О Прохорѣ черноризцѣ разсказывается, что онъ прокормилъ много алчныхъ своими хлѣбами изъ лебеды [2]). Такъ примѣръ великаго Печерскаго монастыря питаетъ извѣстное положеніе древнерусской моральной философіи относительно особеннаго значенія милостыни, которое (положеніе) выражается трогательными словами древне-русскаго проповѣдника: „спасится богатіи милостынею, спасится убозіи терпѣніемъ, спасися весь міръ любовію“ [3]).

Итакъ что же сдѣлалъ Печерскій монастырь для Руси на зарѣ ея христіанской исторіи? Онъ далъ ей миссіонера, апологета, подвижника, мученика, чудотворца, пастыря, печальника и благотворителя,—далъ людей, которыми живетъ и движется на землѣ церковь и христіанство, и которыми воспитывается совѣсть общества. Читая описаніе жизни печерской братіи, чувствуешь, что на свѣтъ Божій родился великій христіанскій народъ и эта жизнь была его первымъ подвигомъ и первой молитвой.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

---

1) Уч. Зап. Ак. II. кн. II, вып. II, 205–207 стр.

2) Яковлевъ, 154.

3) Слово въ похвалу святымъ, приписываемое м. Клименту Смолятичу. *И. Никольскій*, О литературныхъ трудахъ м. Климента См. Спб. 1892 стр. 221.

Типографіи *А. И. Снегиревой*

въ Москвѣ и Сергіевомъ Посадѣ.

Оттиски изъ № 10 „Богословскаго Вѣстника“ за 1896 годъ.

Ректоръ Академіи *Архимандритъ Лаврентій.*